

ОТ АВТОРА

Занимаясь многие годы изучением истории обороны и блокады Ленинграда, я только в последнее время пришел к выводу, что должен написать свою «блокадную книгу» историка. Этой книгой я выполняю свой долг перед моими родителями: Леонтием Ефимовичем Соболевым, воевавшим и погибшим на Ленинградском фронте в марте 1943 г., Марией Ивановной Соболевой, спасшей нас с братом от голодной смерти, перед моими блокадными одноклассниками и учителями 331-й школы Володарского района, перед воспитателями и товарищами по несчастью детского дома № 54; перед студентами, аспирантами и преподавателями Ленинградского университета, подвигу которых в годы Великой Отечественной войны посвящены многие мои работы и, конечно, перед всеми защитниками Ленинграда, погибшими на поле боя, в осажденном городе от голода, обстрелов и бомбежек.

Так случилось в моей жизни, что, выжив семилетним ребенком в блокадном Ленинграде благодаря безграничной любви и заботе моей матери, я вернулся в блокаду через 20 лет в качестве ее историка и испытал потрясение не менее сильное, чем в детстве. Это было тем более неожиданно, что в послевоенные годы мне казалось, что я все забыл о том страшном времени. Однако судьбе было угодно мне о нем напомнить: поступив после окончания исторического факультета ЛГУ в 1959 г. на работу в Ленинградское отделение Института истории АН СССР, я попал в качестве начинающего исследователя в авторский коллектив по подготовке истории Ленинграда в годы Великой Отечественной войны и блокады. С того времени начались мои блокадные переживания, источником которых стали документы и материалы практически всех архивов Ленинграда и Москвы. К сожалению, многие документы тогда были еще засекречены, а целый ряд важных проблем обороны и блокады Ленинграда находился под негласным запретом.

Представляется, что предлагаемое в книге синхронизированное изложение событий в блокадном кольце и за его пределами позволяет

рассмотреть жизнь города-фронта в самое трудное время блокады во всей ее трагичности. Сознывая, что тема блокады Ленинграда требует особой доказательности и убедительности, автор счел необходимым включить в каждую из глав подборку наиболее важных документов, чтобы читатель смог получить конкретное представление об источниках. Помещенные в книгу иллюстрации — из Центрального государственного архива кинофотофонодокументов Санкт-Петербурга, архива Государственного Музея истории Санкт-Петербурга и личного архива автора.

В ходе многолетних архивных розысканий мне пришлось сделать немало открытий как о высоком моральном духе ленинградцев, так и об их трагической судьбе. И это не шло ни в какое сравнение с тем, что я видел своими глазами из окна нашей промерзшей квартиры блокадной зимой 1941–1942 г. Об этих печальных открытиях я постараюсь рассказать в своей книге.

Выражаю искреннюю благодарность и сердечную признательность моим коллегам, с которыми я связан многолетними творческими контактами, участием в подготовке коллективных трудов, публикаций документов, в научных конференциях: В. М. Ковальчуку, Б. П. Белозерову, С. К. Берневу, В. А. Иванову, Н. Д. Козлову, Ю. И. Колосову, Т. С. Конюховой, В. А. Кутузову, Н. А. Ломагину, С. В. Магаевой, М. И. Фролову, М. В. Ходякову, А. Н. Цамутали, Н. Ю. Черепениной, А. Н. Чистикову. Особая благодарность — А. А. Смирновой, которая постоянно поддерживала мое стремление написать эту работу, а также Н. И. Богомазову, оказавшему большую помощь на завершающем этапе подготовки рукописи к печати.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

БЛОКАДА ЛЕНИНГРАДА: ПОСТИЖЕНИЕ ПРАВДЫ

Но даже тем, кто все хотел бы сгладить
В зеркальной робкой памяти людей,
Не дам забыть, как падал ленинградец
На желтый снег пустынных площадей.

Ольга Берггольц

У каждого ленинградца, пережившего блокаду, остались свои впечатления и представления о ней, своя правда. Для подавляющего большинства из них это была «горькая правда», но трагический лик блокады, освобожденный от многих слоев полуправды и лжи, предстояло еще увидеть спустя многие годы. И дело было не только в том, что в течение длительного времени власти не позволяли нам открыто взглянуть на «маску трагедийного конца» блокадной эпопеи, но и в том, что наши собственные впечатления должны были пройти мучительные испытания великим множеством страшных и даже чудовищных фактов нашей общей блокады.

Одним из них стало сокрытие правды о блокаде Ленинграда, начавшееся еще в годы Великой Отечественной войны. От советской и международной общественности тщательно скрывалось все, что происходило в Ленинграде в период его 872-дневной блокады, в особенности масштабы смертности мирного населения от голода. О трагедии Ленинграда не было сказано ни слова в нотах народного комиссара иностранных дел В. М. Молотова, адресованных прежде всего народам союзников по антигитлеровской коалиции с тем, чтобы мобилизовать общественное мнение на более активную борьбу с гитлеровской Германией... Ни до внутреннего, ни до внешнего читателя правдивая информация о страданиях и лишениях ленинградцев не доходила¹. Как писал позднее авторитетный исследователь А. П. Крю-

¹ Ломагин Н. А. В тисках голода. Блокада Ленинграда в документах германских спецслужб и НКВД. СПб., 2000. С. 273; Кутузов А. В. Блокада Ленинграда в информационной войне. СПб., 2008.

ковских, «тема наступившего массового голода оказалась абсолютно запретной для печати и радио. Введя жесточайшую цензуру на информацию о катастрофическом положении Ленинграда, центр тем самым косвенно признал свою вину за непринятие мер по обеспечению города продовольствием и топливом, по своевременной массовой эвакуации населения»².

Борьба за правду о блокаде Ленинграда начиналась теми ленинградцами, кто, пережив страшную зиму 1941–1942 гг., увидел в ней «небывалый еще опыт человечества» и потому страстно желал, чтобы об этом опыте узнали все. Ольга Берггольц, сразу же заявившая «Я здесь, чтобы свидетельствовать...» и ставшая подлинным поэтом блокадного Ленинграда, прилетев в начале марта 1942 г. на короткое время в Москву, сделала неприятное для себя открытие, которое в тот же день зафиксировала в своем дневнике. «О Ленинграде все скрывалось... Трубя о нашем мужестве, они скрывают правду о нас». В этом мнении Берггольц утвердилась и после трехнедельного пребывания в столице и общения с московскими друзьями, коллегами и чиновниками от культуры. 20 марта 1942 г. она отметила в дневнике: «Здесь не говорят правды о Ленинграде, не говорят о голоде, а без этого нет никакой “героики” Ленинграда... Заговор молчания вокруг Ленинграда... А для слова — правдивого слова о Ленинграде — еще, видимо, не пришло время... Придет ли оно вообще? Будем надеяться»³.

Однако ленинградские историки, выжившие после голодной зимы 1941–1942 гг., считали, что это время настало по крайней мере для собирания различного рода документальных материалов с целью подготовки в дальнейшем правдивой истории обороны Ленинграда. В конце марта 1942 г. Комиссия Президиума АН СССР по ленинградским академическим учреждениям обратилась в городской комитет партии с письмом, содержащим предложение о создании общегородской Комиссии, которая возглавила бы эту работу⁴. Хотя на этом письме имеется резолюция секретаря городского комитета партии Н. Д. Шумилова — «Этот вопрос нами готовится на бюро ГК», уважа-

² Крюковских А. П. Ленинградская партийная организация: годы войны // Ленинградская эпопея. СПб., 1995. С. 70.

³ Ольга. Запретный дневник. Дневники, письма, проза, избранные стихотворения и поэмы Ольги Берггольц. СПб., 2010. С. 77–78, 80, 81.

⁴ Ленинград в осаде: сб. документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941–1944 / ред. коллегия: Н. И. Барышников, И. П. Бабурин, Т. А. Зернова, В. М. Ковальчук, Ю. И. Колосов, Т. С. Конюхова, Н. В. Пономарев, Г. Л. Соболев; отв. ред. А. Р. Дзенискевич. СПб., 1995. С. 520–521.

емая Комиссия Президиума АН СССР ответ на свое предложение так и не получила, как и не последовало каких-либо мер по организации Комиссии. Причина, конечно же, была не в том, что партийные органы были так заняты обороной города, что не имели времени обсуждать другие, менее важные вопросы. Как скоро выяснится, организация и работа такой Комиссии не мыслилась иначе как под контролем партийных и советских властей⁵. И в самом деле, спустя год, в апреле 1943 г., партийное руководство города приняло постановление о создании общегородской Комиссии по сбору материалов и составлению хроники «Ленинград и Ленинградская область в Отечественной войне против немецко-фашистских захватчиков». В постановлении подчеркивалось, что эта Комиссия создается «в целях руководства и направления работы по собиранию материалов и составлению хроники»⁶. Если сама работа по собиранию материалов и их хранению и составлению хроники была возложена на Ленинградский Институт истории ВКП(б), сотрудники которого начали сбор этих материалов по своей инициативе еще в 1942 г., то руководство и направление работы было поручено целой группе партийно-советских функционеров во главе с секретарями по пропаганде А. И. Махановым (Городской комитет ВКП(б)), и К. И. Домокуровой (Областной комитет ВКП(б))⁷. Историки справедливо обратили внимание на то, что в постановлении не шла речь о собирании материалов для написания истории обороны Ленинграда, как это предлагалось в письме Комиссии Президиума АН СССР по ленинградским учреждениям, а всего лишь о составлении хроники⁸. Тем не менее здесь нельзя не воздать должное сотрудникам Ленинградского Истпарта, которые под руководством директора С. И. Авакумова проделали огромную работу по сбору дневников и стенографированию воспоминаний участников обороны Ленинграда. Ленинградскому Истпарту принадлежит также заслуга подготовки и публикации первых сборников документов и материалов о Ленинграде в период Великой Отечественной войны⁹.

⁵ См.: Дзенискевич А. Р. О создании общегородской комиссии по сбору материалов для истории обороны Ленинграда // Ленинградская наука в годы Великой Отечественной войны. СПб., 1995. С. 133.

⁶ Там же. С. 134.

⁷ Там же. С. 134–135.

⁸ Там же. С. 136.

⁹ Ленинград в Великой Отечественной войне Советского Союза: сб. документов и материалов. Т. 1. Л., 1944; Т. 2. Л., 1947.

После так называемого «Ленинградского дела», в процессе которого были репрессированы многие бывшие руководители обороны Ленинграда, вокруг темы блокады Ленинграда почти на десять лет возник своеобразный вакуум. Исключение здесь составил ряд статей в начавшем выходить с конца 1940-х годов втором издании Большой советской энциклопедии¹⁰. В статье «Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945», опубликованной в седьмом томе Большой советской энциклопедии (1951 г.), содержалось упоминание о «героической обороне Ленинграда», в ходе которой, «несмотря на голод и лишения, связанные с блокадой, непрерывными обстрелами, доблестные защитники города, вдохновляемые И. В. Сталиным, руководимые А. А. Ждановым, отразили все атаки противника»¹¹. Заслуги Жданова подчеркивались и в специальной статье о нем, помещенной в 15-м томе Большой советской энциклопедии (1952 г.). В ней говорилось: «В годы Великой Отечественной войны Советского Союза большевистская партия и Советское правительство возложили на А. А. Жданова организацию обороны Ленинграда. В труднейшие месяцы осады города гитлеровской армией ленинградские большевики во главе с А. А. Ждановым были душой героической обороны города Ленина, проявляя величайшее мужество и героизм. Выполняя указания И. В. Сталина, воины Советской Армии и трудящиеся Ленинграда отстояли город-герой, и под руководством А. А. Жданова осуществили гениальный сталинский план разгрома немецко-фашистских войск под Ленинградом»¹². По этой статье выходило, что «величайшее мужество и героизм» проявили ленинградские большевики, а трудящиеся осажденного города выполняли всего лишь указания товарища Сталина. Но пройдет еще год, и в статье, опубликованной в 22-м томе Большой советской энциклопедии, посвященной Коммунистической партии в период Великой Отечественной войны, не будет даже упоминания о битве за Ленинград, в то время как будут упоминаться «Разгром немцев под Москвой», «Сталинградская битва», «Битва под Курском»¹³. В этом умолчании, на наш взгляд, проявилась запоздав-

¹⁰ Это внимательно проследил А. Н. Цамутали в своих «Заметках по историографии блокады Ленинграда» // О блокаде Ленинграда в России и за рубежом. Источники. Исследования. Историография / науч. ред. А. Р. Дзенискевич. СПб., 2005. С. 152–156.

¹¹ Большая советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 7. М.; Л., 1951. С. 166.

¹² Там же. Т. 15. М., 1952. С. 605. — О роли А. А. Жданова в обороне Ленинграда см.: Кутузов В. А. А. А. Жданов или А. А. Кузнецов? К вопросу о лидерстве в блокированном Ленинграде // Новейшая история России. 2012. № 1. С. 193–203.

¹³ Большая советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 22. М.; Л., 1953. С. 234–237.

шая реакция на нелепые обвинения «ленинградских заговорщиков» в том, что они раздули подвиг Ленинграда в ущерб подвигу Москвы и других городов-героев, в первую очередь Сталинграда. К тому времени «заговорщики» уже были расстреляны, многие документы блокадной поры были уничтожены, а Музей обороны Ленинграда, напомиравший каждым своим экспонатом о подвиге ленинградцев в годы блокады, был практически уничтожен.

Одним из последствий «Ленинградского дела» явилась боязнь участников обороны Ленинграда и историков писать о трагических страницах блокады. Именно потому вышедшая в 1958 г. книга Д. В. Павлова «Ленинград в блокаде (1941 год)» была встречена общественностью и историками с таким вниманием и интересом. Дело в том, что автор этой книги, бывший нарком торговли РСФСР в годы Великой Отечественной войны, в течение осени и зимы 1941–1942 гг. находился в осажденном Ленинграде в качестве уполномоченного Государственного Комитета Обороны по продовольственному снабжению войск Ленинградского фронта и населения города, и потому его позиция в освещении целого ряда ключевых проблем обороны и блокады Ленинграда приобретала особую значимость. Сразу же подчеркнем, что в книге Д. В. Павлова содержится большой и ценный фактический материал о запасах продовольствия в Ленинграде в военное время, их распределении среди войск фронта и населения города, о мерах по спасению ленинградцев от голодной смерти, изыскании пищевых заменителей, доставке продовольствия в осажденный Ленинград. Вместе с тем нельзя было не заметить, что в то время как исследователи широко использовали содержащиеся в этой книге материалы, свидетельства и наблюдения автора, сам Д. В. Павлов, выпускаемая огромными тиражами одно издание за другим (с 1958 по 1985 г. книга переиздавалась 6 раз), смотрел на выходящую в эти годы историческую и мемуарную литературу с высоты своего номенклатурного положения. Хотя в контексте этой литературы многие положения его книги «Ленинград в блокаде» требовали уточнений или разъяснений, ее автор предпочитал поправлять других и делал это так, как будто только он владел истиной. Это не значит, конечно, что Д. В. Павлов ничего не менял в своей книге. Сравнительный анализ текстов всех шести изданий книги «Ленинград в блокаде» позволяет судить о характере вносимых им изменений¹⁴.

¹⁴ См. об этом: *Соболев Г. Л.* Блокада Ленинграда в свете перестройки исторической науки (об освещении некоторых вопросов истории блокады Ленинграда

Получив с конца 1950-х годов доступ к ранее недоступным архивным источникам, историки в результате их изучения пришли к выводу о том, что многие проблемы истории блокады и обороны Ленинграда нуждаются в переосмыслении и уточнении. К их числу относился и вопрос о смертности мирного населения в блокированном Ленинграде. Показательно, что в первой половине 60-х годов такого же мнения придерживались и официальные власти. 28 июня 1964 г. в газете «Красная Звезда» был опубликован ответ советского правительства на запрос шведского правительства о судьбе шведских моряков с судна «Бенгт Стуре», погибшего в годы Второй мировой войны. В этом ответе говорилось, что «моряки погибшего шведского судна «Бенгт Стуре» могли оказаться в зоне ожесточенных боев, которые охватили район Балтийского моря и Ленинграда. Эти бои были сопряжены с огромными человеческими жертвами, причем сложившиеся тогда тяжелые условия не позволили вести точный учет гибнущих людей. В Ленинграде есть кладбище, на котором похоронено, по одним сведениям, 600 тысяч человек, по другим — 700 тысяч. Никто не знает точно, сколько погибло людей в Ленинграде и в районе Ленинграда»¹⁵.

Принимая во внимание все эти обстоятельства, сотрудники Ленинградского отделения Института истории АН СССР, участвовавшие в 1960-х годах в подготовке V тома «Очерков истории Ленинграда», посвященного периоду Великой Отечественной войны и блокады города, специально исследовали вопрос о потерях ленинградцев от голодной смерти. Результатом этой работы стала статья «Ленинградский «реквием» (о жертвах населения в Ленинграде в годы войны и блокады)», опубликованная в 1965 г. в журнале «Вопросы истории»¹⁶. На основе анализа всех имевшихся в распоряжении авторов источников (как опубликованных, так и архивных), они пришли к выводу, что официальную цифру — 632 253 человека погибших от голода в Ленинграде в годы войны и блокады — нельзя считать окончательной и что такой минимальной цифрой можно с полным основанием считать 800 тыс. человек¹⁷.

Попытку уточнить число жертв голодной блокады предприняли тогда же и сотрудники Института истории партии Ленинградского

в книгах Д. В. Павлова) // Вопросы истории и историографии Великой Отечественной войны. Л., 1989. С. 64–81.

¹⁵ См.: Красная звезда. 1964. 28 июня.

¹⁶ Ковальчук В. М., Соболев Г. Л. Ленинградский «реквием» (о жертвах населения в Ленинграде в годы войны и блокады) // Вопросы истории. 1965. № 12. С. 191–194.

¹⁷ Там же.

обкома КПСС. Итоги их подсчетов нашли свое отражение в опубликованной в конце 1965 г. книге «На защите Невской твердыни», в которой на основе приведенных ими подсчетов констатировалось, что в «Ленинграде и пригородных районах в суровое время вражеской блокады погибло от голода не менее миллиона человек»¹⁸.

Публикация «Ленинградского “реквиема”» и новые данные ленинградских историков о смертности населения в осажденном Ленинграде получили широкий общественный резонанс и поддержку специалистов и видных участников обороны Ленинграда, в том числе Маршала Советского Союза Г. К. Жукова. И только Д. В. Павлов категорически выступил против пересмотра официальных данных о потерях населения Ленинграда от голодной блокады. В опубликованной в 1970 г. в газете «Советская Россия» статье «Истина остается истиной» он обрушился на своих оппонентов с грубой и необидительной критикой, представляя их дилетантами и ставя на одну доску с «буржуазными фальсификаторами истории»¹⁹. Не полагаясь на свой авторитет, Д. В. Павлов, как выяснилось позже (все тайное когда-нибудь становится явным), обратился за поддержкой в самые высокие партийные инстанции. В письме секретарю ЦК КПСС М. А. Суслову от 13 ноября 1975 г. он писал: «Считаю своим долгом доложить Центральному Комитету партии, что в некоторых книгах советских авторов допущены грубые извращения исторической правды. Приводятся утверждения, что за время блокады Ленинграда погибло от голода не 642 тысячи человек, как было установлено Чрезвычайной Комиссией по расследованию фашистских злодеяний, а 800 тысяч и даже миллион. За эти цифры ухватились фальсификаторы истории...»²⁰. Излагая далее «истинную сторону дела», Д. В. Павлов уверял, что он в качестве уполномоченного Государственного Комитета Обороны получал самые достоверные сведения о смертности ленинградцев от голода — регулярные отчеты отдела здравоохранения, которые дают ему основания утверждать, что «абсолютное большинство жителей города, благодаря усилиям ЦК партии и правительства, удалось спасти». Настаивая на своей правоте, он в конце своего обращения к М. А. Сулову апеллировал к политическому аспекту «дела»: «Менять через 30 лет известную всему миру цифру — 642 тысячи на другую — 800 тысяч ничего полезного не даст, а только подорвет стабильность официаль-

¹⁸ На защите Невской твердыни / отв. ред. Ю. Н. Яблочкин. Л., 1965. С. 336.

¹⁹ Павлов Д. В. Истина остается истиной // Советская Россия. 1970. 23 мая.

²⁰ Источник. 1995. № 44. 2 нояб.

ных заявлений нашего правительства. А кому это выгодно? Прошу Вас не допустить публикации другой цифры»²¹. И М. А. Суслов «не допустил». По его поручению отдел пропаганды ЦК КПСС употребил все свое влияние, чтобы изъять из научного оборота любые данные о смертности в Ленинграде в годы блокады, кроме официально признанной цифры в 632 253 человека. В результате уточненные данные о смертности в блокированном Ленинграде были сняты уже в макетах 5-го тома «Истории КПСС» и 8-го тома «Истории второй мировой войны». Дело дошло даже до насилия над текстом воспоминаний Маршала Советского Союза Г. К. Жукова. Во втором, еще прижизненном издании своих «Воспоминаний и размышлений» Г. К. Жуков счел необходимым высказать свою точку зрения по вопросу о размерах потерь ленинградцев от голодной смерти в годы блокады. «Просто установить сразу после войны подлинные цифры жертв осады, — писал он в первом томе, — оказалось делом нелегким. В страшную блокадную зиму 1941/42 года детально подсчитать умерших от голода было некому. Первой объявленной цифрой погибших было 632 тысячи человек. Но впоследствии советские историки уточнили эту цифру, что и нашло отражение в пятом томе “Очерков истории Ленинграда”. Вот что написано в этот авторитетном труде: «От налетов авиации и артиллерийских обстрелов погибло 16 467 ленинградцев и 33 782 человек получили ранение. Не менее 800 тысяч ленинградцев (курсив мой. — Г. Ж.) погибло от голода и лишений — таков итог вражеской блокады»²².

Вместо этого текста в третьем издании мемуаров Г. К. Жукова, выпущенных в свет уже после смерти их автора, в 1978 г. и во всех последующих изданиях читателю предлагается прямо-таки противоположное «мнение» мемуариста: «В страшную зиму 1941/42 года детально подсчитать умерших от голода было некому. Но впоследствии Чрезвычайная Государственная Комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков установила, что во время блокады Ленинграда погибли от голода около 642 тысячи человек и от налета фашистской авиации и артобстрелов пали около 21 тысячи человек»²³.

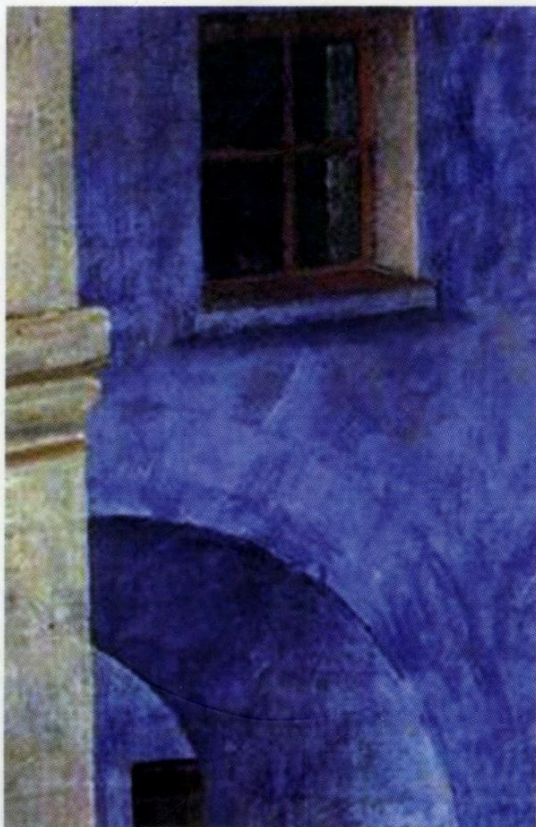
²¹ Там же.

²² Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. 2-е изд. Т. 1. М., 1974. С. 430.

²³ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. 3-е изд. Т. 1. М., 1978. С. 381.

Г. Л. Соболев

**ЛЕНИНГРАД В БОРЬБЕ
ЗА ВЫЖИВАНИЕ В БЛОКАДЕ
КНИГА ПЕРВАЯ
ИЮНЬ 1941 – МАЙ 1942**

„...Исследуя многоаспектную проблему борьбы Ленинграда за выживание в первый год войны и блокады, в самое драматическое и трагическое время ленинградской блокадной эпопеи, автор на основе широкого круга документальных источников, опубликованных в последние годы, ставит целый ряд принципиально важных вопросов в новейшей историографии.

*Профессор Н. Д. Козлов,
ЛГУ им. А. С. Пушкина*

На первой стороне обложки — К. С. Петров-Водкин. Петроградская мадонна. 1920. На четвертой стороне обложки — К. С. Петров-Водкин. Петроградская мадонна. 1920. Фрагмент.

„...Выжив семилетним ребенком в блокадном Ленинграде благодаря безграничной любви и заботе моей матери, я вернулся в блокаду через 20 лет в качестве ее историка и испытал потрясение не менее сильное, чем в детстве. Это было тем более неожиданно, что в послевоенные годы мне казалось, что я все забыл о том страшном времени... В качестве начинающего исследователя я попал в коллектив по подготовке истории Ленинграда в годы Великой Отечественной войны и блокады. С того времени начались мои блокадные переживания... В ходе многолетних архивных розысканий мне пришлось сделать немало открытий как о высоком моральном духе ленинградцев, так и об их трагической судьбе. И это не шло ни в какое сравнение с тем, что я видел своими глазами из окна нашей промерзшей квартиры блокадной зимой 1941–1942 гг. [с. 5]